

На берегах Немана

А началось все здесь – в Николаевщине...

В большой многодетной семье Юрия и Катаржины Мицкевич (в девичестве Демидович) мой дедушка Адам Юрьевич, Адам, был самым младшим. Старший – Игнась, а за ним – Михаил, Костусь, Ева, Волька (Ольга), Лида, Юзик и, наконец, Адам. (Впрочем, я не знаю их очередности по старшинству) Есть сведения, что Юрий знал грамоту и письмо, поэтому его не раз выбирали старостой деревни. Единственная семейная легенда гласит, что Юрий (или попросту

Юрка по-белорусски) был достаточно вздорным человеком: въезжал прямо на коне в избу и сурово вопрошал свою жену: “Скажи мне, кто я есть?!” И она испуганно говорила ему что-то почтительное. “Вот то-то!” - важно изрекал Юрка и слезал с коня.

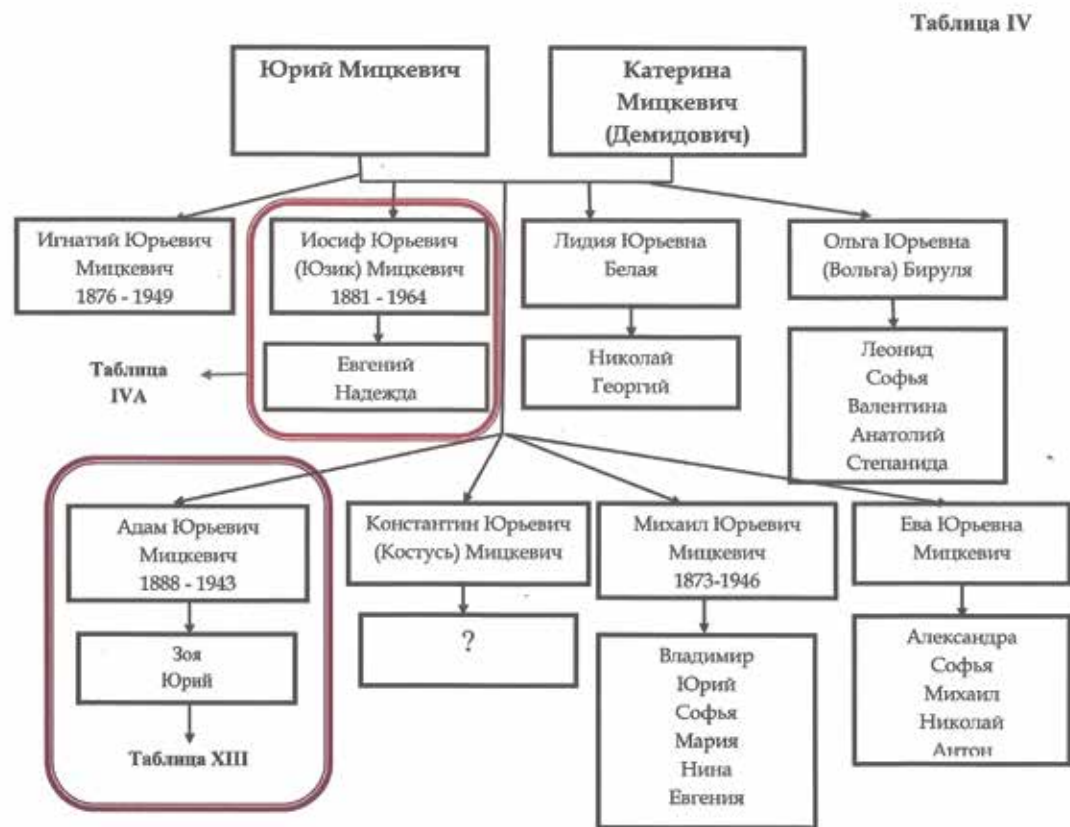
На таблице IV показано семейное древо Мицкевичей. К сожалению, я не знаю годов жизни большинства из них; жизнь развела Мицкевичей достаточно далеко, и только вспоминаю, как один из троюродных маминых братьев (или племянников) как-то у нас останавливался в Москве в начале 1960-х. Я ничего не знаю о сестрах Адама Юрьевича, а также о братьях Костусе (Констанине) и Михаиле. Известно

лишь, что Костусь жил на Украине и, видимо, приезжал иногда в Минск навестить родных – чему свидетельством является одна из фотографий Мицкевичей. Годы жизни Михаила мне недавно сообщила Вера Мицкевич (внучка Якуба Коласа, о нем позже) – он родился предположительно в 1873 году, а умер в 1946 году, после ампутации ноги.

*На фотографии (слева направо):
Адам Мицкевич, Игнатий Мицкевич,
Валентина (жена Игнатия), Шимановский
(друг Игнатия), Костусь Мицкевич; мальчики:
Юра Мицкевич и сын Костюся; сидят - Зоя
Мицкевич и Лариса Мицкевич, жена Адама.
Минск, 1930 г.*

Семейное древо Мицкевичей

После первой мировой войны – и до раздела Польши в 1939 году – граница Советского Союза пролегла через станцию Негорелое, совсем рядом с Минском (см. карту); таким образом Николаевщина была отрезана от основной части Белоруссии и многие родственники, жившие там, оказались в Польше. Жили они там очень бедно, и некоторые племянники пробирались через границу и находили себе приют у Адама или Игнатия. Один из племянников, кажется, Анатолий, сын Ольги, какое-то время жил в Деденева, у Юзика. Похоже, что он был агентом НКВД и выполнял страшные заказы по ликвидации некоторых лиц – о чем с ужасом шепотом рассказывала Вера Мицкевич (жена Юзика) моей бабушке.

Другому сыну Ольги – Лене (Леониду Михайловичу) Бируле – очень помогли Адам и Лариса: они его поддерживали материально, и какое-то время он жил у них. Учился он в Ленинграде, но на каникулы приезжал к ним. Он закончил Ленинградский институт путей сообщения, потом аспирантуру при нем, и работал завкафедрой в Омске в Сибирском Автодорожном Институте. Потом, конечно, арестовали, через 10 лет выпустили, еще через 10 – реабилитировали... И всю свою жизнь он был им благодарен, и я помню многочисленные письма моей бабушке, которые начинались так: “Дорогая тетка!” И почти во всех письмах он благодарил ее за то, что она для него сделала. После всех своих арестов он вернулся в Белоруссию, и был учителем в Николаевщине.

Но все это было уже потом. А пока, в конце 19-го века, из деревенской нищеты только-только выбрался Игнатий, и открыл дорогу своим братьям к образованию. Он подготовил Адама к поступлению в Бобруйскую гимназию,

куда последний поступил в 1901 году. Учился он неплохо, ни разу не оставался на второй год в том же классе. Вот в 3-м классе, к примеру, как показано в его таблице, он был седьмым в 1-й четверти, шестым – во 2-й и пятым – в 3-ей, и это среди 30 учеников. Причем во всем классе только четверо были из крестьян. Это значит, что таким детям было учиться труднее всех, ввиду того, что они происходили из семей необразованных людей, и никто не мог, да и не думал даже, обращать внимание на их учебу.

После окончания гимназии Адам поступил на физический факультет Московского Государственного университета, который закончил в 1914 году. Он вернулся в Белоруссию, в Витебскую губернию, где преподавал математику в Двинской женской гимназии, начиная с января 1915 года (см. выписку из архива). Теперь это город Даугавпилс в Латвии.

*Выписка из архива
Сельхозтехникума в селе
Марьино Горка*

*Костусь Мицкевич с сыном
Минск, 1930 г.*

*Слева:
Адам (стоит) и Юзик
Мицкевичи
Минск, ок. 1906*

Класс	Четверти												Средний балл
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
1	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
2	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
4	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3

*Вверху: страница из памятной
книжки Виленского учебного
округа на 1915 год.*

*Слева: школьный табель Адама
Мицкевича; III класс гимназии,
1904 год*

Лара и Адам, Молодые годы

Неизвестно, когда и где познакомился Адам со своей будущей женой, Ларисой Праздничной, которая в 1917 году закончила Высшие Женские Курсы в Москве – по сути, это был университет для женщин, поскольку в сам университет женщин тогда не принимали, но лекции им читали университетские профессора. Курсы эти находились на Пироговской улице в Москве, и Лариса снимала квартиру вместе с подругой Катей в одном из Ростовских переулков рядом с Плющихой. Позже, где-то в 1960-х, она разыскала Катю, и они иногда встречались. Начиная с 1956 года мы жили неподалеку, около Бородинского моста, и из окон можно было видеть Ростовскую набережную, куда стекались вниз от Плющихи Ростовские переулки.

Сразу после окончания курсов Лариса вернулась в Белоруссию. В то время, именно на исходе Первой мировой войны (не знаю точно, с

Слева: вид на Ростовскую набережную с 11-го этажа нашего дома на Большой Дорогомилловской улице около Бородинского моста. Вот туда-то, к “круглому” дому и к набережной вблизи него и спускались Ростовские переулки.

1961 г.

вышла замуж и в июне 1919-го года родила дочку Зою (“Зоя – значит жизнь!” - говорила она).

Каким-то образом она получила письмо от Юргена, который уже знал о ее замужестве. Он писал – как она цитировала: “Я со слезами целую твои милые руки...”. Она вздыхала и говорила: “Разве кто-то из наших так напишет?” Но по истечении лет она не жалела, что ее судьба не стала их общей: “Как бы я жила, если бы мои дети пошли воевать в Россию?!” Неизвестно, что

какого времени) эти районы были оккупированы немцами. В те времена они были весьма дружелюбны, и не удивительно, что в начале следующей войны многие не опасались остаться под оккупацией, что, как оказалось, было совершенно напрасно – за 20 лет была создана совсем иная человеческая порода (кстати, не то же ли самое происходит сейчас в России?). У молодой Лары появился поклонник из немцев, по имени Юрген, который прилично, но не без сильного акцента, говорил по-русски, и читал стихи Лермонтова: “Горьные вьершины спят во цме ночной...” Лара при этом хохотала...

...Войска отозвали неожиданно и срочно; Юрген прибежал к Ларе попрощаться, но она ушла к знакомым в соседнюю деревню, и так они уже больше не увиделись. Наверное, это было вскоре после подписания Брестского Мира – 3 марта 1918 года. Спустя некоторое время она

Слева - здание Высших Женских Курсов на Пироговской улице в Москве; теперь это - педагогический институт

*Лара (сидит первая слева) и Адам с неизвестными.
Ок. 1918 года.*

Лара Праздничная. 1913 год.

На фото слева - памятный знак в честь основания сельскохозяйственной школы.

Надпись гласит:

Указом императора Александра II от 29 мая 1876 года основана Марьиногорская сельскохозяйственная школа.

там было бы и с ней, в особенности, во время войны – хотя и в СССР уцелеть было непросто. Она долго хранила это письмо, и уничтожила только когда у меня начались проблемы с КГБ, и предполагая обыск и в их квартире, она решила избавиться на всякий случай от письма на немецком языке – слишком хорошо ей был знакомы все методы этой славной организации...

Адам проработал в Двинске 2 года, после чего – видимо, в 1917 году – стал работать преподавателем математики в Марьиногорском среднем сельскохозяйственном училище. В марте 1921 года училище было переименовано в техникум.

И неожиданное – через много лет – напоминание об этом времени; в записных книжках Ильфа, опубликованных в 1960-х: “... Столовая в сельскохозяйственном техникуме. Голубая комната, потолок, оклеенный обоями. Домашние кружевные занавески...”

Адам Мицкевич в 1906 году

*Вверху: старые здания сельскохозяйственного техникума
Фото 2016 года.*

Справа: оборотная сторона фотографии Адама. Наверху надпись: “На 19-ом году своей жизни.”

Братья Мицкевичи - Игнась и Юзик. Деденево.

*Игнатий Мицкевич,
1904 г.*

*Валентина Мицкевич
(Мальфина), 1906 г.*

*Игнатий и Валентина.
Николаевщина,
конец 1940-х гг.*

Все они были педагоги – и незаурядные, чему есть множество свидетельств. Долгие годы учительствовали – как в школах, так и в высших учебных заведениях. Они – это Игнась, Юзик и Адам.

Начал все Игнась. (“Дядька Игнась” – так называла его бабушка, когда о нем говорила).

Он был старшим из братьев, и чтобы вырваться из беспроектной нищеты, он выучился с большим трудом и лишениями и далее помог выучиться братьям – по крайней мере, Юзику и Адаму. Не знаю про Михаила. Возможно, он остался крестьянствовать в Николаевщине. Сестры, кажется, тоже к учебе не были особо склонны. Да и то сказать, тогда женщины рано выходили замуж, рожали детей, до учебы ли было?

Игнатий учился в народном училище в Николаевщине, а потом в 1896 году закончил учительскую семинарию в городе Несвиже. Учительствовал в Бобруйском районе с 1895 по 1904 год. В Бобруйске же в это время учился в гимназии Адам – конечно, под присмотром и при попечении Игнася. Бабушка рассказывала, что от непосильного труда у Игнася начался туберкулез, и местный помещик отправил его за свой счет лечиться в Крым.

Дальнейшие сведения об Игнатии я почерпнула из его некролога. В Крыму он – видимо, подлечившись – стал работать старшим учителем недалеко от Ялты: с 1904 по 1907 год. Там он познакомился со своей будущей женой, Валентиной Михайловной Мальфиной, медиком по профессии. Они поженились и вскоре переехали в Москву.

В Москве Игнатий преподавал и одновременно учился в университете имени Шанявского – с 1910 по 1914, а

*Игнатий с собакой.
Николаевщина, конец 1940-х гг.*

Валентина работала фельдшером. В те годы они познакомились с обедневшим князем Гагариным, который работал в земстве города Дмитрова и порекомендовал туда Игнатия, в отдел просвещения. Там Игнатий и проработал несколько лет. Кроме того, в начале Первой Мировой войны в Дмитров переехал и Якуб Колас с семьей. Предполагаю, что тогда же туда переехал и Юзик. Многие люди из Белоруссии спасались от войны в центральных областях России.

Вот тут-то мы и подошли в наших исследованиях к Дмитрову и – соответственно –

к Деденеву. Про Деденево я знала с детства; это был поселок (а может быть, сейчас и город?) недалеко от Дмитрова (пара остановок на электричке), рядом со станцией Турист Савеловской железной дороги. Турист – Яхрома – Дмитров. Наверное, в те годы перед Первой Мировой войной и начинается Деденево в жизни Мицкевичей. Юзик, и Вера, и деденевская школа, и окрестные деревни, в одной из которых скрывался безработный Адам в страшные 1937-38 годы...

С того времени и до конца жизни Юзик прожил в Деденеве. Там встретил и любовь – красавицу Веру Виноградову, племянницу первой учительницы деденевской школы (тогда она называлась деденевским земским училищем) Евдокии Федоровны Поповой.

На сайте деденевской школы одна из страниц посвящена династии Мицкевичей: <http://dedenevosch.ru/dynasty.php>.

Как там пишется, Вера и Юзик работали в школе с 1909 года, хотя я очень сомневаюсь, что он появился там раньше Игнатия. Однако – так или иначе – Юзик там работал учителем математики, а Вера – учительницей русского языка и литературы. Всю жизнь они отдали школе; их дочь Надя была долгие годы школьным библиотекарем, а внучка Галя (Галина Евгеньевна Крашенинникова) – учителем черчения и изобразительного искусства. Она проработала в школе 33 года. Даже их правнучка, Лида, сейчас работает в школе учительницей истории.

Игнась в Дмитрове прожил около 4-х лет, потом год работал в Москве и в 1919 году переехал в Белоруссию, в Быховский район. С 1926 года они с Валентиной Михайловной

жили в Минске – вначале в доме Коласа, а затем, до 1942 года – в кооперативном доме на улице Белорусской, где на той же лестничной площадке жила семья Адама. В том самом кооперативе “Искра”, который я долго искала и, наконец, нашла. Подробно об этом поиске я написала в главе “Потерянный дом”.

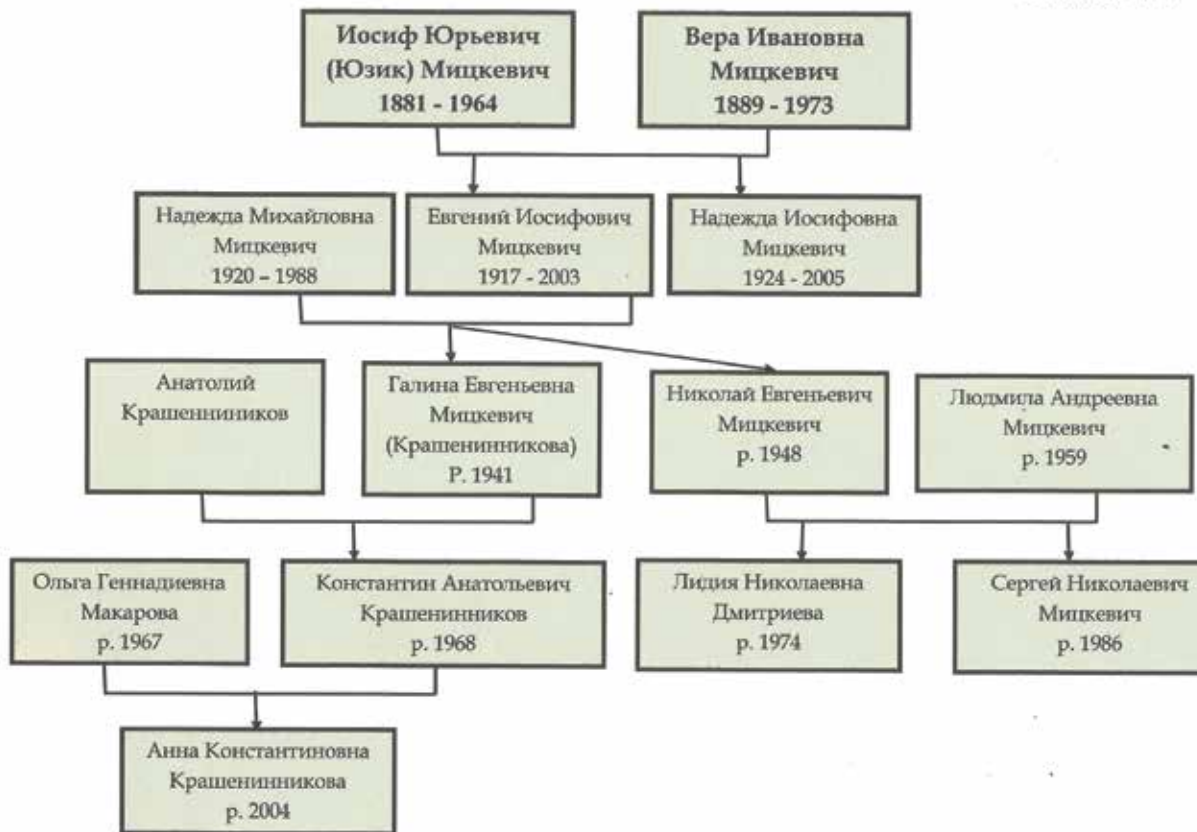
В 1942 году Игнатий с Валентиной уехали в Николаевщину, Игнат преподавал в местной школе. Вот не знаю, кем работала

*Юзик и Вера Мицкевичи с детьми
Женей и Надей. Ок. 1925 года*

Потомки Юзика

Таблица IV А

Юные Вера и Юзик; ок. 1909 г.

Школа в Деденево; 1914 г.

(и работала ли вообще) в то время Валентина. Говорили, что работала врачом (а может быть, и фельдшером), а ночью приезжали из партизанского отряда и увозили/уводили ее туда. Жизнь легкой не была. Они жили вначале в доме у сестры Евы, а в 1946 году переехали в квартиру при школе, где Игнась был директором. По его инициативе с помощью Якуба Коласа (в честь которого ее и назвали) школа была перестроена и сделана десятилеткой. Колас также помог построить в Николаевщине и больницу. Игнатий умер в 1949 году. Якуб Колас писал Валентине:

“Игнася нет. Волны жизни унесли его в невозвратный поток. Уход из жизни Игнася меня очень сильно поразил – Игнась был для меня тем звеном, которое очень крепко связывало и Игнася, и меня с нашей юностью, молодостью, с нашим далеким прошлым...”

В деденевской школе. Первый слева - Юзик, третья слева - Вера. 1914 год.

*1938 год, Деденево
Слева направо: Вера, Юзик, сестры, у которых скрывался Адам,; впереди - Надя и Зоя Мицкевич.*

*В гостях в Деденево.
Слева направо:
Вера, Юзик, Сержа Феодосьев,
Лариса Минична Мицкевич. 1961 г.*

Якуб Колас

Мой родный кут, як ты мне мілы!...
Забыць цябе не маю сілы!
Не раз, утомлены дарогай,
Жыццём вясны мае убогай,
К табе я ў думках залятаю
І там душою спачываю.

Это – строчки Якуба Коласа из поэмы “Новая Земля”; их я знаю еще от бабушки. И его “родный кут” - это все та же белорусская земля, та же уже известная нам Николаевщина, вблизи которой он родился, и в обустройстве которой принимал в послевоенные годы такое большое участие. Родился он в 1882 году, на 6 лет позже Игнатия, и дружбу с ним он пронес до конца своих дней. Они были и родственниками: ведь Якуб Колас – это псевдоним, а звали его Константин Михайлович Мицкевич. Все братья Мицкевичи – Игнась, Адам, Юзик и другие – были ему двоюродными дядьями.

Его бабушка, Кристина, в замужестве Лёсик, была родной сестрой Юрки Мицкевича – как мы видим в таблице VI. Ее дочка, Ганна была матерью Константина Мицкевича, который взял себе псевдоним Якуб Колас.

Кстати, как я недавно узнала, фамилия Мицкевич в Николаевщине являлась очень распространенной, и ее носители вовсе не были близкими родственниками. Это я к тому говорю, что Ганна Лёсик была замужем за Михаилом Мицкевичем, который родственником ее не являлся. Также и родители Веры Мицкевич, внуки Коласа, оба

Колас с женой Марией Дмитриевной и сыновьями. Старший - Даник (Даниил), средний - Юрка (Георгий), младший - Михась (Михаил). 1928 год.

носили фамилию Мицкевич – опять же не были родственниками.

Моя бабушка, Лариса Минична, всегда говорила по-русски, за что Игнатий ее весьма порицал в свое время. Мама, разумеется, тоже, поэтому никаких произведений Коласа я никогда не знала. Вот только сейчас прочитала поэму, которая действительно хороша, и напомнила мне и Лермонтова, и Некрасова, и даже Бунина.

Это родство с Коласом неожиданно мне помогло во время моих поисков дома Мицкевичей в Минске (см. главу “Потерянный дом”).

Колас – так же, как и Игнатий – учился в Николаевщине, в народном училище, потом в учительской семинарии в городе Несвиж. Сохранилось много писем от Коласа к Игнасю. Как у всякого классика, издавались собрания

сочинений Коласа, и в последних томах были собраны письма поэта. И Вера, и Владимир Воложинский мне присылали сканы страниц, где есть упоминания об Адаме Юрьевиче, Ларисе Миничне и Зое. Даже упоминается Лосиноостровская, где жила наша семья со времени начала войны. И эти кусочки писем – они являются драгоценными свидетельствами прошлой жизни, в том числе – отчасти и моей.

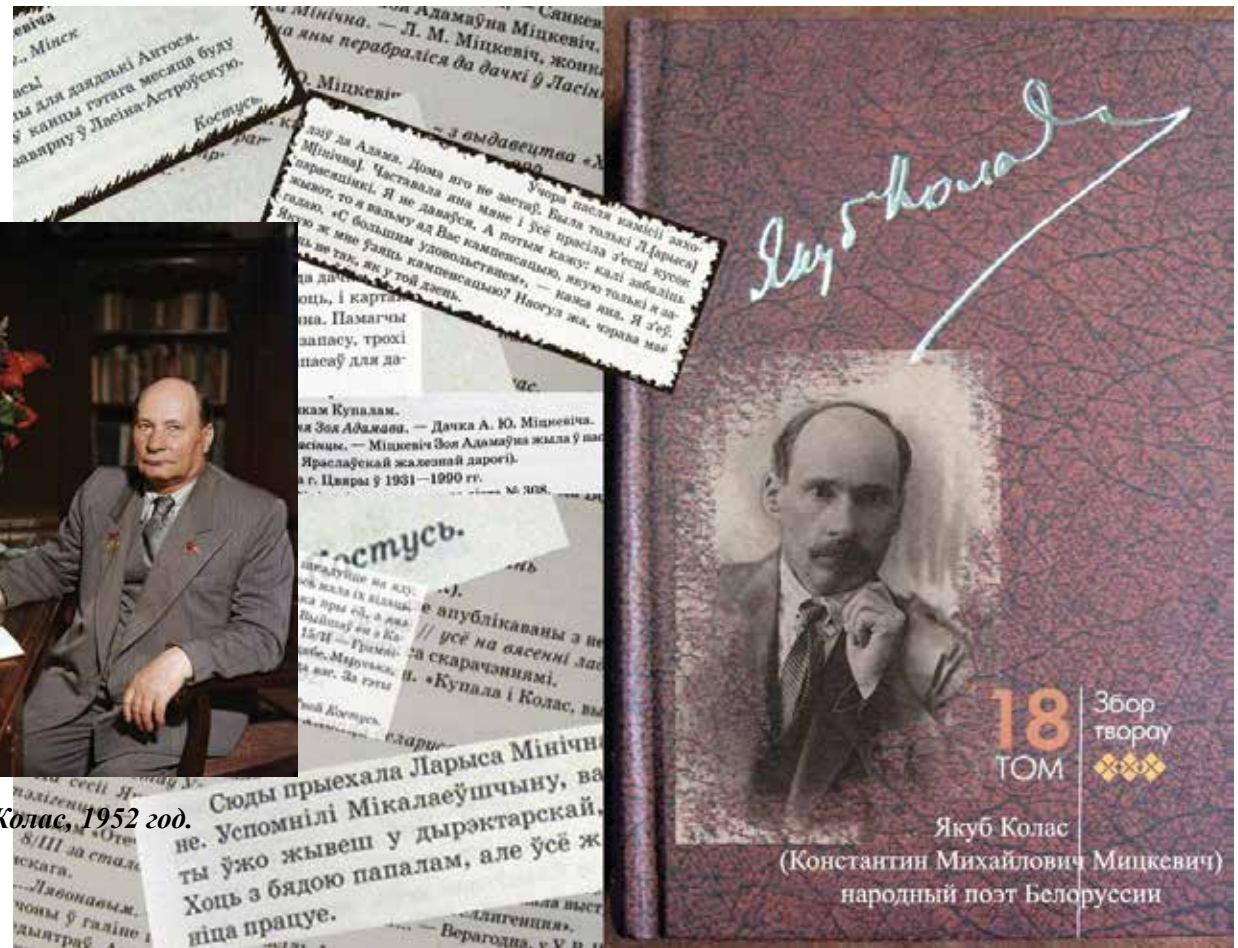
Вот в письме жене Колас пересказывает шуточный разговор с Ларисой Миничной, которая предлагала ему свинину, когда он заскочил повидаться с Адамом. Вот еще письмо – Лариса Минична приехала в Кисловодск, где отдыхал и Колас, и они сидели, вспоминали Николаевщину... А

вот письмо, где он рассказывает, что Адам с Ларисой пришли из Калинина к дочке в Лосиноостровскую. Он несколько раз упоминает эту Лосиноостровскую, когда бывает в Москве, и надеется, что ему удастся выбрать время и туда заехать. А вот моя мама, Зоя Адамовна, навещает Коласа в Москве и рассказывает, что не может прописать родителей к себе... (В итоге она их прописала, возможно, Колас как-то ей сумел помочь – он был тогда уже достаточно видным человеком)

Конечно, тут надо еще рассказать о том, что это такое – прописка, а то внукам этого и не понять. Прописка – это нечто вроде регистрации по определенному адресу; для прописки существовала масса ограничений, и она осуществлялась в отделении милиции и являла собой очень официальное мероприятие. Существовали ограничения на районы, где можно/нельзя было прописать; ограничения на площадь, на которой собирались человека прописывать и т.д. и т.п. Выписаться было легко, но вот прописаться – это была проблема. Нельзя было переехать в другой город; т.е. переехать-то и можно было, но с пропиской были проблемы. Обычно бывал такой круговорот: без прописки нельзя было получить работу, а без работы – прописку. Большие трудности были у людей в связи с этим. Но в войну было все еще гораздо сложнее. В данном случае – с моими родителями и бабушкой с дедушкой – если некто не был нигде прописан, то не мог получить продуктовые карточки (продукты распределялись очень скупо и по талонам/карточкам), хотя бы и не для работающих, по которым давалось совершенно минимальное количество продуктов. Вот как раз об этом-то и идет речь в письме Коласа. Да, он писал как раз, что не

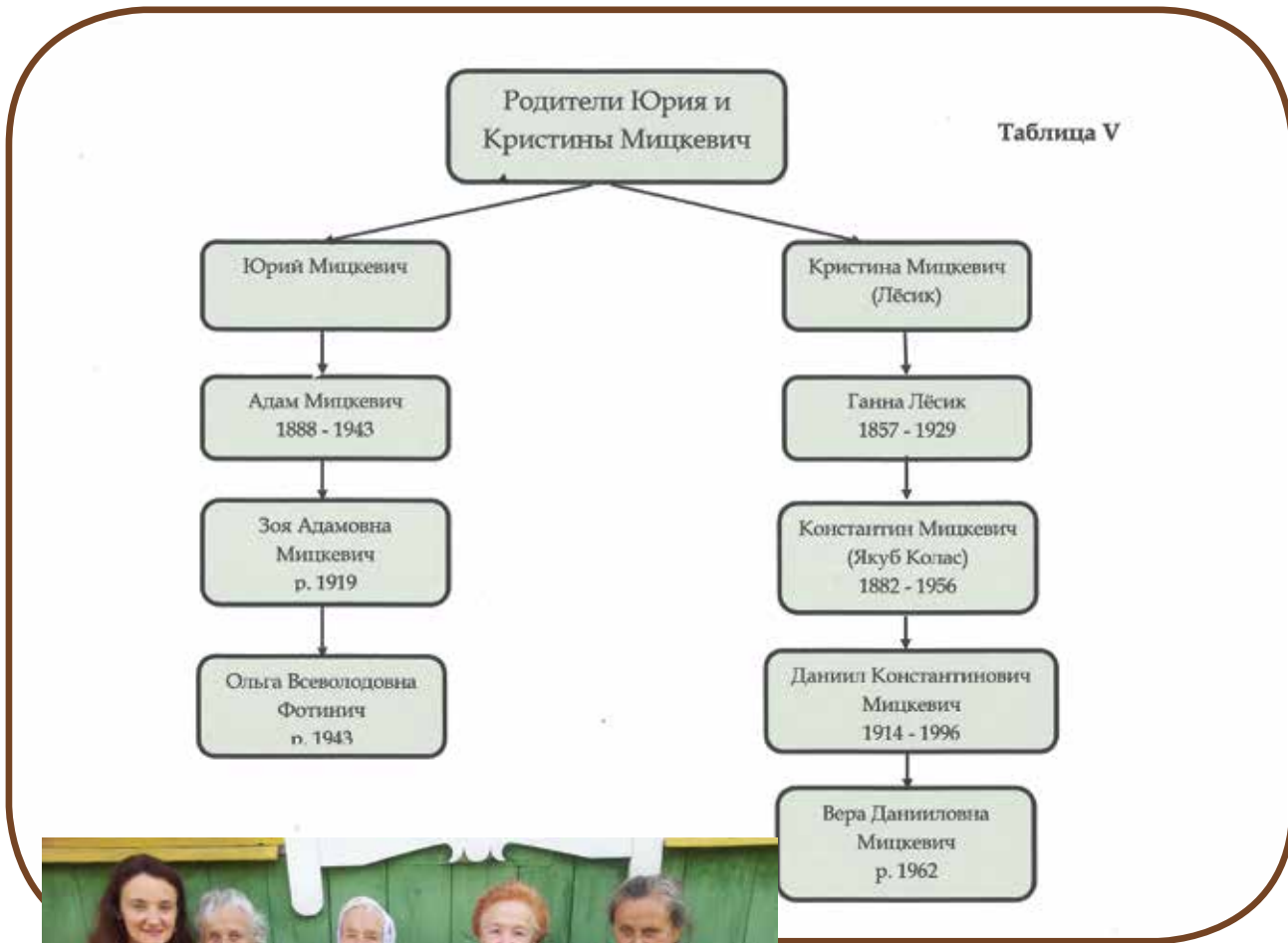
Якуб Колас, 1952 год.

может ничем помочь, но хотя бы дал немного денег и кое-каких продуктов, что у него с собой были.

Я познакомилась (заочно) с внучкой Коласа, Верой Мицкевич, как я уже сказала, в то время, когда искала кооперативный дом в Минске – через Владимира Воложинского. Мы с ней обменялись многими документами, и она смогла написать статью о Адаме Юрьевиче Мицкевиче. Позже она закончила книгу о своем отце, Данииле, старшем сыне Коласа, который был организатором и директором музея Якуба Коласа. Она мне очень помогла с поисками архивных документов, касающихся моих предков, и в большой степени главы этой части книги обязаны ей.

Родословная Мицкевичей и Якуба Коласа

Вера Мицкевич, внучка Коласа, дочь его старшего сына Даниила. 2010 г.

*Николаевичина, наши дни.
Слева направо: Вера Мицкевич, Евгения Мицкевич, Мария Мицкевич, Алевтина Мицкевич (мама Веры), Галина Мицкевич (дочь Евгении).
Евгения и Мария - сестры, дочери Степаниды, племянницы Адама Юрьевича. 2012 год.*

Минск

*Лара и Адам с детьми - Зоей и Юрой.
Минск, 1928 г.*

О жизни в Минске я знаю очень мало; мама не любит вспоминать (а впрочем, ей было всего 11 лет, когда их выслали), да и бабушка тоже рассказывала очень немного. Так что сведения мои собраны буквально по крохам.

После Марьиной Горки – был Минск. Там Адам получил работу в Белорусском Государственном Университете на кафедре физмат. наук. Там же родился сын, Юра, в 1923 году.

Съемные квартиры, потом – кооператив “Искра”, трехэтажный дом, большая квартира. Я его долго искала, этот дом, наконец, нашла, о чем подробно пишу в главе “Потерянный дом”. Игнатий Мицкевич вскоре – в 1926 году – тоже переехал в Минск из Быховского района Белоруссии (куда он попал после Москвы), и жил некоторое время в доме Коласа. Мама вспоминала этот дом – двухэтажный, просторный – и как-то раз она, бродя по дому, случайно зашла в кабинет Коласа, где он сидел за огромным письменным столом.

Обыкновенная жизнь обыкновенной семьи. Адам преподает и занимается научной работой, Лара ведет дом (“Ах, иногда думаю – что бы приготовить на обед? “Индейку ли, гуся ли, телятину – иду на рынок и все покупаю. Был НЭП и все было..” – так она вспоминала в 1970-е, если уж не в самые голодные, но в весьма скудные годы). Зоя училась в самой лучшей, русской, 4-й школе, занималась музыкой, немецким языком. Юра еще не начал учиться. Друзья, товарищи, вечеринки, пикники...

Вместе со своим другом Александром Круталевичем Адам пишет учебники для техникума – “Основы съветабудовы” и “Трыгономэтрыю”. Не удивляйтесь, это – белорусский язык. Сложность написания этих книг была в том, что в то время еще не было научного белорусского языка, и им пришлось буквально его изобретать. Адам много консультировался с разными людьми, в частности, с Ниной Александровной Вересковской, подругой Лары, которая знала несколько языков и дала ему много ценных советов.

Адам даже составил словарь физической терминологии белорусского языка, который позже доработал и расширил Круталевич.

Зоя помнит Круталевича как весельчака и танцора; и танец фокстрот она впервые увидела, когда его танцевал на вечеринке Круталевич. Это был вообще очень одаренный и неординарный человек; он был серьезным ученым; его перу принадлежит немало книг, статей и переводов научных книг на белорусский язык. Конечно же – конечно же – и его убили в свое время, только много позже, уже в конце 30-х годов. В 1936 году арестовали, а в 1937 – расстреляли.

*На фото внизу: Пикник в Минске, май
1929 г. В центре - Сиротин.*

Отступление: о Сиротине

Большим другом семьи был Сиротин, так и прошли их жизни рядом до самого конца.

Ефим Еремеевич Сиротин... Он тоже закончил Московский Университет, учась там примерно в те же годы, что и Адам, возможно, они и были знакомы еще по Москве. Был завкафедрой физ-мат наук в Белорусском Университете. В 1925 году он был командирован в Кембридж на стажировку, и в одном из опубликованных писем Капицы – как вспоминает мама – были такие строчки: “Приехал Сиротин. Хороший малый, однако ни бельмеса по-английски...”.

Часто собирались на вечеринки у Сиротиных, Зою тоже брали, и ее с Ирой, младшей дочкой Сиротина, учили есть, держа вилку в левой руке. У них это получалось с трудом, и жена Сиротина, Варвара Михайловна, говорила: “Ну, наших девочек еще рано сажать за стол...” Зою с Ирой укладывали спать в спальне.

Варвара Михайловна много рукодельничала; у нее все вокруг было вышито ришелье. Кто-то ей говорил: “Варвара Михайловна, у вас клубок упал!” Она: “Это не говорят, а – делают...”

Позже, в послевоенные годы Сиротины жили в Подмосковье, вблизи Лосиноостровской, на станции Перловская. Впрочем, он, наверное, переехал туда еще до войны, поскольку во время войны там жили его дочери, Наташа и Ира; сам Сиротин был в эвакуации в Фергане. Наташа была замужем; ее муж, по фамилии

Владимирский, закончил физический факультет Московского Университета, был блестящим студентом, у него были книги, подписанные известными учеными: “Моему любимому ученику...” Он прекрасно играл на рояле – бывало, мама к ним приходила, и через раскрытые окна неслись звуки прелюда Шопена. Во время войны, однако, мог съесть еду, предназначенную его сыну. Позже Наташа с ним разошлась; она работала в Научно-исследовательском институте. Он однажды приехал с приятелем, запер Варвару Михайловну в комнате, собрал все вещи мальчика, забрал его – и уехал. Наташа не хотела никаких контактов с ним, так она мальчика больше и не увидела.

Сам Сиротин, когда учился в гимназии, снимал комнату. Его родители рано умерли, один за другим. Эти люди, у которых он жил, очень помогли ему в то время, фактически став ему приемными родителями. Он был им навек благодарен и всю жизнь помогал. И позже, когда его жена умерла, он фиктивно женился на их дочери, чтобы он смог ее прописать в этом доме, вблизи Москвы. (О смысле слова “прописка” я говорю позже)

**В Глушке, на берегу Свислочи.
Слева направо: Адам, Лара, Зоя, Ира Сиротина, за
деревом - В.М.Сиротина;
крайний справа - Юра Мицкевич.**

Глушка.
Весь год мрачный, тяжелый из-за предчувствий, которые и оправдались.
Красота природы и хорошая дружеская компания не смогли разогнать свинцовых туч.
1930 г.

Чайпитие в Глушке. На обороте фотографии надпись: Весь год мрачный, тяжелый из-за предчувствий, которые и оправдались. Красота природы и хорошая дружеская компания не смогли разогнать свинцовых туч. 5 июля 1930 г.

В этом доме, в этом саду...

Трехэтажный дом кооператива "Искра"; вид со двора, бывшего когда-то фруктовым садом. Окна квартиры Мицкевичей - на 3-м этаже, налево от лестничной клетки. Фото 2007 года. Теперь это дом номер 29 по улице Ульяновская.

За эти книги – “Асновы Свьетобудовы” и “Трыгонамэтрыю” – были получены деньги, которые поменяли на золотые монеты (тогда это было возможно); у нас и по сей день осталось несколько золотых монет. На эти деньги и был построен кооператив. Квартира была полностью выплачена ко времени вселения. Этот кооператив был построен году в 1929 вблизи университета, такой небольшой поселочек с прилегающим яблоневым садом. Его очень хорошо описала Н.А.Лурье; я привожу ее воспоминания в главе “Потерянный дом”. В кооперативе было два кирпичных

дома – один двух-, другой трехэтажный. В трехэтажном доме, где жила семья Адама, квартиры были в основном трехкомнатные. Были и отдельные коттеджи, на две семьи – там квартиры были двухэтажные. Близко от университета – только подняться на горку – и вот уже и Университет. Позже за садом построили большой кооперативный дом “Комуннар-Асветник”, выходящий торцом на улицу Свердлова. Его хорошо видно на

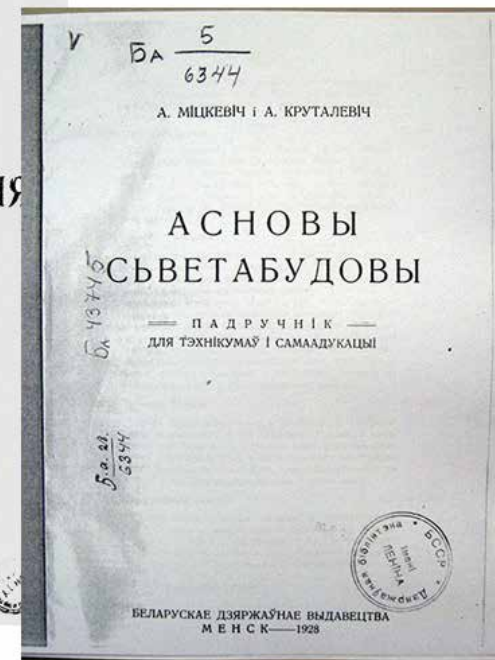
аэрофотосъемке

Минска.

У Адама была четырехкомнатная квартира – на одну комнату больше за счет прилегающей квартиры из соседнего подъезда. Напротив на площадке была квартира Игнатия. И это было их единственное (и последнее) собственное жилье. Бабушка Лариса вспоминала спустя годы с таким мечтательным выражением: там было 4 комнаты: две на одну сторону дома, две – на другую, два балкона, и очень красивые венецианские окна. А во всех комнатах были чудесные печки-голландки, такие особенные, герметические – у них можно было очень скоро закрыть трубу, и они медленно догорали и долго держали тепло. В комнатах был чудесный сухой воздух. А вот начем готовили – мама не помнит. Но, конечно, газа тогда в квартирах не было, наверное, на керосинках или керогазе...

Всем жильцам было выделено по 2-3 яблони из сада – знаменитые антоновки. Зимой их хранили в подвале в кладовке – каждому была выделено помещение в подвале. Аромат стоял – необычайный! Всю свою жизнь бабушка любила эти антоновки; в Москве их продавали на рынках (да иногда и в магазинах) осенью.

В саду этом любили играть дети. С одним из друзей Зои, Женей Коноплиным, они вместе

Учебники, написанные Адамом Мицкевичем вместе с Александром Круталевичем: “Тригонометрия” и “Основы астрономии”.

занимались немецким с частной учительницей. (Потом эта самая учительница написала донос на Адама.) Женя учился на класс старше, у него был друг Жора Богино. Женя, бывало, говорил Зое про ее игру на рояле: “Ну что ты там играешь! Вот Жорка играет – это да!” Спустя годы, а точнее, в 1956 году, мы встретились с семьей этого Жоры – на отдыхе в деревне Лунево, Костромской области. (Надо же, куда из Москвы ездили иногда отдыхать!), и в Москве часто встречались. Переплетение судеб...

А на тех балконах Лариса поставила (на лето, видимо) кусты олеандров в больших горшках. Позже ей сказали, что олеандры приносят несчастье. За пару недель до ареста Адама Лара с балкона замечала слезку за их квартирой. Арестовали многих; им предъявили обвинение в том, что они планировали отсоединение Белоруссии от Советского Союза. Предполагалось – по их версии – что Адам Мицкевич будет министром образования этой новой страны.

Вначале, после ареста Адама, Лариса так была напугана, что даже детей бросила, и скрывалась у друга Игнатия Шимановского. Дети однажды пришли домой, а квартира была опечатана. Они отправились в отделение НКВД к тов. Голованову. Зоя гордо показывала свой красный пионерский галстук и говорила, что папа не виноват, там разберутся. Как ни странно, тов. Голованов все же дал приказ квартиру открыть, и они какое-то время там жили.

Потом отняли две комнаты, туда вселили семью работника НКВД. Так прожили зиму. Позже решили их выселить из квартиры вообще. Так выселяли многих из их кооператива, и давали какое-то жилье в других местах. Мицкевичам дали довольно большую

Лара в кабинете своей квартиры; 1929 год.

комнату в квартире Сульской, учительницы музыки. Ее отец был зубным врачом, и у них была большая квартира в центре города. Т.е. их тоже решили “уплотнить”.

Стали выносить вещи, вот тогда дядька Игнась вышел и сказал: “Заносите к нам”. Там они и жили до отъезда в Малмыж.

Вот объявили о ссылке. Продавали вещи, мебель. Продали столовый гарнитур, две красные кушетки с очень красивым орнаментом. Многие люди помогали. Сиротин собирал деньги на сапоги для Адама, и когда Лариса говорила ему, что его тоже арестуют, то он только отмахивался. Позже, в конце 1930-х, он работал в Калининском Пединституте, и опять взял на работу безработного Адама Юрьевича.

Зубной врач – кажется, ее звали Софья Семеновна – всем бесплатно вылечила зубы. Пломба, которую она сделала Зое на передних зубах, простояла долгие годы, только в начале 1990-х, уже в Америке, она была заменена.

*Дети в саду кооператива “Искра”.
В последнем ряду в центре - Юра Мицкевич.*

Судя по тому, что у некоторых детей есть лопаты, я предположила, что в тот день был так называемый коммунистический субботник. И так и оказалось - 23 апреля 1930 года, когда был сделан снимок, как раз была суббота.

*Слева - Лара с детьми в саду.
1929-1930 г.*

*Справа - Лара за роялем.
1929-1930 гг.*

...Немцы вошли в Минск на третий день после начала войны. Евреи – кто смогли – прятались на кладбище, в землянках. Так они жили несколько лет, и почти перед самым освобождением Минска – как рассказывали бабушке – пришли в город цыгане, и выдали это убежище. Все они погибли – и эта врач, и учительница музыки Сульская, и многие другие...

Гораздо позже моя бабушка, Лариса, говорила по какому-то поводу: “Я знала людей... А это что – людишки...”

Из Минска, кроме Мицкевичей, выселили также Гурского, главного режиссера русского театра, а также Адама Кореня, заведующего диагностической лабораторией. Все они были потом в Малмыже.

Бабушка была однажды в Минске, уже после войны, но к этому дому даже не подходила...

*Лара с подругой Тоней
("панической") в саду.
1929-1930 гг.*

Дети - Юра и Зоя; 1929-1930 г.

Девочка за роялем

Слева: Зоя Мицкевич за роялем.
На рояле - фотография крестной
Лары, Екатерины Анатольевны
Патон. Эта фотография - как
вспоминает мама - всегда стояла
на рояле.

...Минск, 23 мая 1930 года.

Этой девочке на фотографии
через две недели будет 11 лет.

Ее фотографирует папа перед концертом в
музыкальной школе – так твердым ученическим
почерком выведено на задней стороне фотографии.

Она еще не знает, что скоро ее нормальная жизнь
закончится. Они поедут на дачу в деревню Глушку, на
реку Свислочь, а через пару месяцев папу арестуют. С
этой печальной вестью придет в деревню брат папы,
дядька Костусь. А дядька Игнась возьмет ее в лес за
грибами, так она ни одного гриба даже и не увидит. Дальше
они будут голодать, и самое лучшее, что они с братом
будут есть – это хлеб, жаренный на подсолнечном масле.

Отнимут двухкомнатных кооперативной (выплаченной
заранее!) квартиры, а потом будут выносить и вещи.

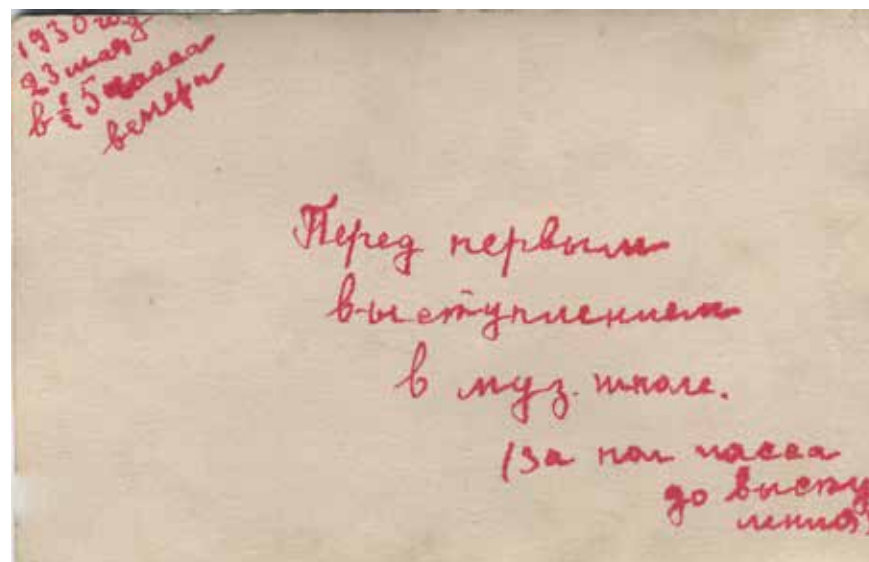
В своем красном пионерском галстуке она пойдет
в НКВД, к товарищу Голованову, и ее пустят к нему, и
она скажет, что папа не виноват, в этом скоро разберутся
(как же, как же, «разберутся»!) и – «Вы ответите за это!»

Вещи – представьте – выносить перестанут, но
ненадолго.

Через несколько дней квартиру все-таки отнимут,
папу сошлют (милосердны были тогда коммунисты,
однако!), и они уедут в город Малмыж Кировкой (тогда
еще Вятской) области.

Внизу - оборотная сторона
фотографии. Надпись:
1930 год, 23 мая, в 1/2 5 часов
вечера.

Перед первым выступлением
в муз. школе. (за пол. часа до
выступления).

Малмыж

Малмыж. Вид на город. 1931.

И вот, в 1931 году, путь семьи Мицкевичей лежал в город Малмыж, Вятской области. Вятская область вообще была довольно известным местом ссылки, начиная еще с 19 века. Первый поток белорусов, как считается, был туда отправлен после восстания 1830-1831 годов. Так продолжалось и далее, и среди ссыльных были такие известные и поныне имена как А. Герцен, М.Салтыков Щедрин, В. Короленко; латышский поэт Янис Райнис и многие другие. А в советское время, в 1931 году, туда были отправлены представители белорусской интеллигенции, которая была осуждена по делам СОБ – т.е. Союза Освобождения Белоруссии. Вот как раз в этот поток и попал Адам Юрьевич Мицкевич, мой дедушка.

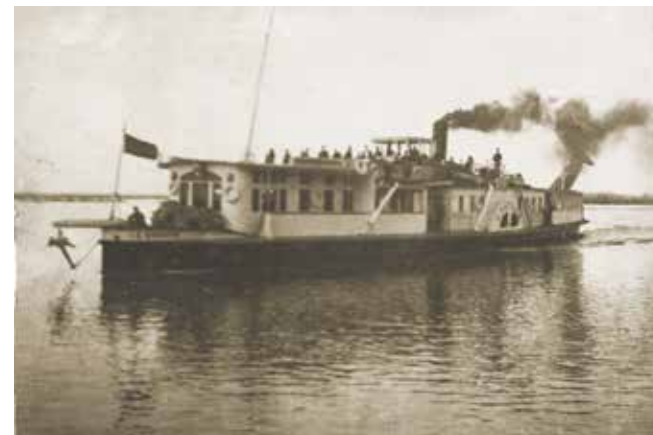
Да, аресту предшествовала тюрьма, однако не очень долго (да, смешно это говорить сейчас – “недолго”!) – всего год. Однако за этот год мой дед получил туберкулез, который позже и свел его в могилу ранее положенного срока.

Репрессии еще не были очень сильны, машина не раскрутилась на полную мощность; так называемого предполагаемого “Белорусского процесса” создать не удалось. Все предполагаемые “участники” будущей “новой Белоруссии” (деду якобы предполагался портфельминистраобразования) были осуждены на 5 лет ссылки, отбывать которую они и были отправлены в Вятскую область. Область тогда была Вятской, позже – после смерти Кирова, соратника Сталина, - была названа Кировской (а Вятка, соответственно, Кировом), и, наконец, когда частично избавились от имен коммунистических палачей – снова стала Вятской.

Считалось, что процесс не состоялся

Улица Малмыжа. Ок. 1931 г.

Пароход на Вятке

по той причине, что никто из осужденных не признался в инкриминируемых им действиях. Было известно, что только один подтвердил обвинения – это был некий Лёсик; не знаю, это было имя или фамилия. То же имя упоминалось и в исследованиях Владимира Мальцева – “Белоруссия между восходами и закатами”. Бабушка мне говорила (разумеется, со слов дедушки), что всюду в коридорах было накарябано на стенах: “Лёсик – предатель!”. Приблизительно в то же самое время был громкий процесс по делу “Союза Освобождения Украины”, т.е. аналогичный. Наказания там – как дает нынче Википедия – были значительно суровее; к высшей мере наказания было приговорено 15 человек.

Итак, наказание было довольно мягкое – позже было так: мужа в один лагерь, жену – в другой, а детей – в детдом... Осужденных отправили в Вятскую область; в разные места ссылки. Это были и Вятка, и Слободское, и Омутное, и Аранск, и Елабуга, и – вот – Малмыж. В следующей главе я привожу отрывок из воспоминаний Ефима Кипеля, который опи-

сывает начало ссылки и путь к ее местам..

Малмыж... Серый, дощатый, комариный, малярийный, непроходимый по осени, где ноги вязнут в грязи чуть не по колено.... Ни театров, ни концертных залов, ни приезжих знаменитостей. Не зря Адам Корень (один из сосланных белорусов) никак не мог смириться с тем, что ему придется жить в этих глухих и диких местах пять лет безо всякой вины. Да и действительно – глушь: до железной дороги, до станции Вятские Поляны – 50 километров, на машине или по реке. До Казани – 147; до Кирова – и вовсе 294! Там было короткое лето, ранняя осень и долгая зима...

Но всегда они вспоминали одуряющий запах лип на главной улице, и просторы Шошмы (реки), и высокие берега Вятки, и рыбалку, и прогулки... А местные говорили: “Подумаешь, вас выслали, а мы тут всегда живем!”...

Так вот и пришлось жить. Жизнь продолжалась.

Там еще не прошла коллективизация, так что на базаре всего было полным-полно, и зимой мороженые судаки лежали, как бревна. Татары продавали конину, что было для белорусов очень необычно, и они так конины никогда и не ели. Адам некоторое время преподавал в педагогическом техникуме, и жили они в квартире при техникуме. Однако вскоре (видимо, по инициативе НКВД) поступило заявление от некоего Григория Елизаровича Иванова о том, что вредителям и врагам народа не место в техникуме. Адама выгнали из техникума, и казенную квартиру им пришлось покинуть. Дальше снимали частные квартиры.

Так что встречались люди – и люди. В Минске был Сиротин, который собирал деньги на сапоги для Адама для ссылки, а вот тут – этот Григорий Иванов. К слову, его

Ученики малмыжской школы

дочь Лена, в бытность свою позже в Москве, чуть ли не с гордостью рассказывала, как ее отец донес на одного из своих знакомых, что он слушает радио (то ли иностранное, то ли вообще радио, которое было в войну слушать запрещено), так этот знакомый и сгинул, в местах, не столь отдаленных.

Все ссыльные белорусы не работали по специальности; в то время как каждый из них был большим специалистом в своей области. Даже в школы устроиться было практически невозможно, и ученые, писатели, артисты работали бухгалтерами, нормировщиками, истопниками.

Вот и Адам Юрьевич после увольнения из техникума работал счетоводом в какой-то организации, а Ларисе удалось устроиться в школу учительницей немецкого языка. Она ведь закончила филологический факультет Высших Женских Курсов в Москве (это по сути университет для женщин), искала работу учителя литературы, но этой ставки не было,

а была, напротив, ставка учителя немецкого языка. Вот и пригодились все знания – вначале от образования в доме Патонов, потом – в гимназии. В конце 1930-х она закончила курсы переводчиков с немецкого. Позже, уже на моей памяти, она вспоминала эти годы без печали, и даже наоборот, с некоторой приятностью. Лариса собирала преподавателей, и они вместе к праздникам пекли торты – в Малмыже не знали ни тортов, ни мазурков, только пироги, шанежки да пельмени. Торты приходилось печь в русской печке, к чему надо было очень хорошо привыкнуть и понять, когда можно ставить торт в печь.

А потом и здесь начался голод – у большевиков всегда так было: держать людей в подчинении голодом. Пришлось держать и корову, и кабанчика выкармливать. Кажется, была возможность получать объедки из какой-то столовой, так что было чем выкармливать. Лариса позже вспоминала, что она не могла

Прогулка на лодках. Слева направо: дочка Гурского, Зоя, жена Гурского, Адам Корень, неизвестный, Адам, Лара

есть ни ту свинину, ни ту телятину. А Адам сажал картошку особым способом – видимо, по опыту сельхозтехникума – т.е. клал клубни в землю на большом расстоянии друг от друга. “У-у, Мицкевич, жадный!” – смеялись соседи. Но картошка уродилась на славу!

Дети ходили в школу, конечно. К Зое все время придиралась учительница истории – не проходило дня, чтобы она не отметила, что Зоя – дочь “врага народа”. Но были и дружбы, и одноклассники, и игры. Зоя организовала там игру в “красных” и “белых”. Дети выходили в Лог (это на краю города) и играли там до остервенения, всерьез брали в “плен” и связывали не понарошке. В пионеротряде была такая как бы

У дома. Лара с Юрой и Леночкой Долгушевой.

игра – готовность к “бою”. Организовывали цепочку – кто кого предупреждает, кто за кем заходит в случае сбора. Делалось это все ночью, все очень это любили, собирались и расходились.

Во время всех религиозных праздников в школе проводились антирелигиозные вечера. Сначала делали разные доклады антирелигиозного содержания, а потом были танцы. Детей учили танцам – падэспань, мазурка, вальс. Зоя танцевала обычно с Шурой Пушкиным, тоже из семьи высланных. Отец был сослан куда-то дальше, а он жил с мамой и тетей в Малмыже. Очень был хорошим танцором. Лариса позже переписывалась с Пушкиной – как вспоминаю, ее звали Агафья Александровна. Часто выезжали на рыбалку, а позже дети выезжали и одни. Ездили на Вятку.

Временная шкала у меня немного барахлит. Адам был в ссылке 5 лет; из них 4 был в Малмыже, а последний год – в Кирове. Вернувшись из Кирова уже свободным, он еще год проработал в Малмыжской школе, преподавал физику. Он был прекрасным

На рыбалке на Вятке. Зоя, Миша Гусев, Адам Юрьевич

На прогулке. Лара, Зоя, Адам, Юра, жена Гурского с дочкой, Адам Корень

педагогом; его ученики поступали в столичные институты, и позже говорили маме: “Как нам повезло, что у нас учителем был Адам Юрьевич!”

Томск, Калинин

Одна из учительниц, Лидия Ильинична Гусева (Зоя дружила с ее сыном, Мишей), поехала работать в Томск, где у нее был знакомый директор школы. Поехали еще некоторые учителя, а также и Адам Юрьевич с семьей. Там он тоже работал в школе; жили они в квартире при школе, и Зоя заканчивала школу (10-й класс) уже в Томске. (Зоя очень хорошо помнит, как она голосовала на выборах в декабре 1937 года, и все боялась, что ее там и арестуют. И Адама уже в Томске не было). У меня как-то не укладываются 7 лет (5 ссылки, 1 работы в Малмыже и 1 работы в Томске) с осени 1931 (когда я полагаю, их отправили в ссылку) до осени(?) 1937. Возможно, правда, что год пребывания в тюрьме шел в счет этих лет в ссылке.

Шел 37-й год, начались снова аресты. Лара рассказывала, как по ночам в их большой двор заезжала машина, делала круг, и фары светили в окна. За кем-то приезжали. Спали одетыми.

Стали вызывать учителей на “беседы” в НКВД, и один из них сказал директору Карпекову, что все время спрашивали о Мицкевиче. Директор отправился к Адаму домой, отдал ему трудовую книжку (где он расписался, все сделал, как надо, но не поставил даты – чтобы Адам смог потом поставить нужную дату сам) и посоветовал уезжать. О трудовой книжке тоже нужно сказать особо. У всех людей в СССР должна была быть трудовая книжка, в которую делались записи в отделе кадров по месту работы. Книжки и

хранились в отделах кадров. Если человек не работал более месяца после ухода с одной работы, у него могли быть (и обязательно были!) неприятности при устройстве на следующую работу. А поскольку для Адама было совершенно неясно, когда он найдет следующую работу, то вот этот директор и сделал такое доброе дело – дал книжку, не проставив дату увольнения.

Зоя настояла, чтобы Адам срочно уехал. Вот он прямо вечером и уехал. По-моему, за ним все же пришли однажды ночью, Лара открыла дверь, сказала, что его нет, они так и ушли. Но Зоя этого не помнит.

А тогда было так: если человека не находили, то уже и не искали, так называемые органы уже как бы за этого человека не отвечали, он выпадал из их юрисдикции с глаз долой. Поскольку Адам уже не работал в школе, из квартиры их выселили, Лара с Юрой вернулись в Малмыж. А Зоя уже поступила в Томский университет, и осталась там совсем одна, без денег и без дома. Когда она поступала, ей не нужно было общежитие, а поскольку квартиру пришлось оставить, ей жить было негде. Ее приютила семья девочки, Оли Вороновой, с которой она сидела за одной партой в школе. А позже ей папа стал высылать 200 рублей (она полагает, что это Колас ему помогал).

*Томская школа номер 3. Выпуск 1937 г.
Адам Юрьевич - в центре третьего ряда; рядом с ним -
директор Карпеков. Зоя - во втором ряду, 3-я справа;
Оля Воронина - стоит крайняя слева.*

И еще один штрих времени – так много их, этих штрихов, что на ссылках можно было бы написать отдельную книгу – Зоины воспоминания о физике Иваненко. Она услышала это имя еще в Минске, когда отец, Адам Юрьевич вернулся с международной конференции физиков в Харькове. Он тогда говорил, что слушал доклад выдающегося физика Иваненко. И случилось так, что Иваненко оказался в Томском университете в то же время, когда и Зоя там была – то ли на первом, то ли на втором курсе. У него уже была своя история – после Ленинградского университета он уже побывал в тюрьме, а

Калинин. В кабинете физики.

также и в тюремном НИИ (так называемой шарашке); и вот его освободили, и он преподавал в Томском университете. Причем Зое помнит, что он не был постоянным работником, т.е. был не в штате, и читал факультативный (т.е. необязательный) курс физики; это была теория относительности. Зоя посещала этот курс; он читался всего один семестр.

И вот однажды было большое собрание вместе с преподавателями и студентами. Все были собраны в большом зале, где в обычное время была библиотека. В так называемом президиуме восседали секретари парткома и месткома, ректор... И физик Иваненко делал доклад о своей работе. Писал уравнения на

доске. Но это на самом деле не был доклад, а – судилище. “Высокому собранию” не нравилось, что одна из частиц ядра имеет массу, равную нулю. “Как же это у вас частица не имеет массы?!” На основании этого они полагали, что он стоит не на материалистических философских позициях (как полагалось у коммунистов), а на идеалистических. Как же мне трудно объяснить внукам, что это означает. Как я помню из философии, в идеализме первичным понимается дух, а материя – вторична. В материализме – наоборот. Весь марксизм-ленинизм принимал материалистическую доктрину. А иные мнения были запрещены.

Итак, Иваненко обвиняли в идеализме: “Ах, вы идеалист!” Другими словами, антисоветский человек, враг. Он, как мог, защищал свою позицию: частица существует, и масса у нее есть, но эта масса равна нулю!

Калинин. Занятия со студентами.

Такого рода судилища были на протяжении всех лет существования советской власти весьма популярным явлением – вспомним “лже-науки” генетику и кибернетику, уже после войны! И замыслом было выгнать Иваненко из университета, что и было сделано. Разве может человек, стоящий на идеалистических позициях, быть допущен к воспитанию молодого поколения?!

...А Иваненко сейчас называют “выдающимся физиком 20-го века”. Но жизнь ему они разрушили.

Адам же из Томска поехал к Юзику в Деденево – помните Деденево, из 2-й главы? – и скрывался там неподалеку в деревне Батюшково, у двух женщин, сестер, знакомых Юзика. А потом он связался с Сиротинным, который уже работал в Калининском пединституте, и стал у него работать. Позже туда уехала и Лара с Юрой.

О Лосиноостровской – это своя история, собственно, она касается моих предков со стороны папы. Мама после второго курса перевелась из Томского университета в Московский и приехала в Москву, Адам встретил ее на вокзале и привез в Деденево. А потом ей сняли угол (вряд ли комнату) у Феодосьевых в Лосиноостровской. И вот это была ее дальнейшая судьба – за Всеволода Феодосьева она позже выйдет замуж.

О Лосинке и о Феодосьевых - читайте в части 4: «От Проходов - до Лосинки.»

Дорога в ссылку

Из воспоминаний Ефима Кипеля

Страницы воспоминаний Ефима Кипеля мне прислала Вера Мицкевич – эта книга хранится в Белорусской библиотеке. Интересны эти воспоминания тем, что Ефим был в той же группе ссыльных, что и мой дедушка, Адам Юрьевич, и они все вместе добирались до места своей ссылки.

Вот краткие сведения о самом Ефиме Кипеле: Ефим Кипель (1896 – 1969) – Белорусский общественный и политический деятель, педагог. Доцент Белорусского Государственного Университета. В 1930 году был арестован по обвинению в белорусском национализме и выслан на 5 лет в город Нолинск Вятской области. После окончания ссылки был снова арестован и получил еще 5 лет. Наказание отбывал на Бамлаге.

Мне удалось найти страницу, посвященную сыну Ефима, Витовту, и книге его воспоминаний: <http://charter97.org/ru/news/2015/7/24/161311/>

“Когда сослали Ефима, его семья - четырехлетний Витовт с матерью - выехала за ним в Нолинск, и с этого началась длинная дорога через разные исторические эпохи и континенты. Детство в “соцдемовском” Минске, жизнь в российской высылке - в Нолинске, Вятке и Орле, юность в оккупированном Минске, молодость в Германии и Бельгии, затем постоянное проживание в Соединенных Штатах – почти век белорусской истории, где

автор, человек необычной судьбы, был в гуще событий политической, общественной и культурной жизни.” Я полагаю, что семья вернулась в Минск незадолго до войны, и покинула Белоруссию вслед за немцами, позже перебравшись в Соединенные Штаты.

Книга воспоминаний “Эпизоды” была издана в 1998 году в Нью Йорке, в издательстве газеты “Беларус”. Кипель был в той группе белорусов, в которой был и Адам Мицкевич, тех, которые были высланы за свою “националистическую деятельность” в Вятскую область.

Итак, Ефим Кипель вспоминает:

Добираясь до места ссылки, наша группа наконец пришла в город Котельнич, Вятской (теперь Кировской) области.

Комендант Котельнического НКВД приказал нам остановиться в Доме Крестьянина и ждать дальнейших распоряжений. Сюда, в Котельнич, были до нас привезены в ссылку два нацдема Павел Катярнич и Игнат Савич. Узнавши, что в город приехали новые высланные белорусы, они вечером к нам пришли. Очень многим они нам помогли.

На пятый день нашего житья в Котельниче прибежал к нам рано Катярнич и сказал что он видел у комендатуры на регистрации Владимира Жилку. Поэт только что приехал из Минска и ожидал конвоирования к месту жительства. Катярнич к нему не подошел, т.к. не хотел перед

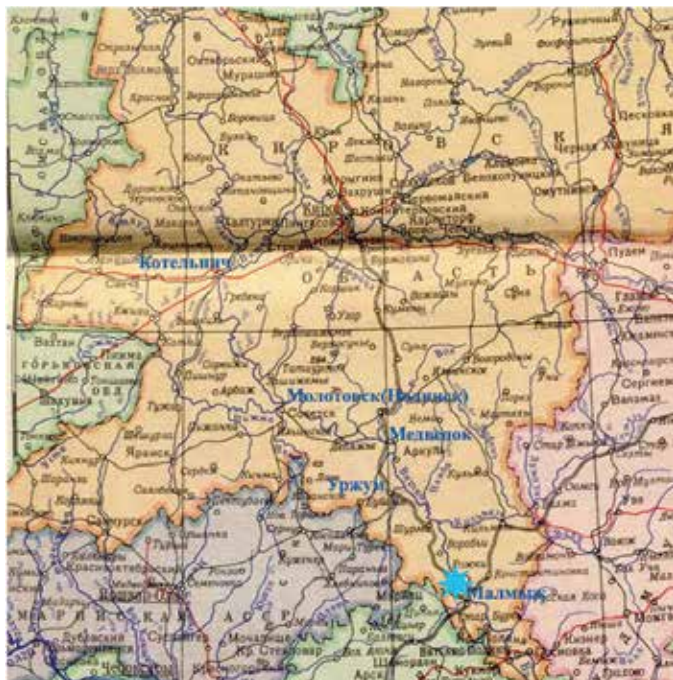

Титульные листы книги Ефима Кипеля

комендатурой показывать свое знакомство.

Мы удивились этой новости и решили послать Адама Мицкевича на разведку, потому что он был среди нас самый старший и мы признавали его авторитет. Через час Мицкевич и привел Жилку к нам в дом.

После взаимных приветствий Жилка рассказал, что он был арестован в то же время, что и мы, и был посажен в Минскую тюрьму. Месяцев через пять он так ослабел, что не мог вставать с нар: у него была очень высокая температура. Тюремные доктора решили, что он при смерти. Его посадили в санитарный автомобиль и отвезли домой. Жилка пролежал дома месяца 4, немного поправился и начал ходить. Вот тут к нему пришли работники НКВД и объявили, что он осужден на 5 лет ссылки и должен явиться в НКВД. Однако из уважения к его болезни ему дали выбор: или ехать под конвоем, или же без конвоя. Разумеется, Жилка выбрал

Карта Вятской области

последнее и сам добрался до Котельнича.

В Котельниче мы пробыли еще 5 дней, а потом комендант предложил нам выбор: или идти до места ссылки пешком под конвоем, или же добираться как-нибудь самим без конвоя. Естественно, идти под конвоем, ночевать там, где конвой прикажет, а не там, где самим хочется – это было значительно хуже, чем добираться самим.

До места ссылки нам оставалось еще 250 км в сторону от железной дороги. Мы решили ехать без конвоя по реке Вятке до пристани Медведок. А от этого места нам надо было разъехаться в разные места, как было предписано НКВД: Я, Микола Азбукин и Микола Влаичик – в город Нолинск, Владимир

Жилка и Иван Сасинович, учитель из Случина, – в город Уржум; Адам Мицкевич, Михаил Гурский и Адам Корень – в город Малмыж.

В эти пять дней мы много о чем говорили, много чего вспоминали.

Мне довелось познакомиться с Владимиром Жилкой в Минске в 1926 году на академической конференции. Он приехал на конференцию из Праги, где учился на филологическом факультете.

Значительно позже в встретил поэта на улице в Минске. Он, видимо, куда-то торопился, и я с ним обменялся только коротким приветствием. Знал я только, что он тогда активно участвовал в писательской жизни.

Помню, еще во время конференции его окружали вылучна коммунисты и все уговаривали остаться – не ехать назад в Чехию. Как-то Жилка встречался с нами, белорусскими патриотами, и советовался, стоит ли остаться. Мы все в один голос говорили ему ехать назад, в Чехию. Вот тут в разговорах я и напомнил Жилке наши встречи. Услышав это, Жилка встал и сказал: Знаешь, брат, мои раны мне и так болят – ты уж их больше не тревожь.

Я попросил прощения и больше об этом никто ничего не вспоминал.

Чтобы добраться до места ссылки, мы купили две лодки – одну большую, а другую – поменьше. В маленькую посадили Жилку, чтобы его никто не тревожил и он чувствовал себя более свободно. Маленькая лодка была привязана к большей, и ее пассажиру не надо было грести. За капитана нашей “эскадры” был Мицкевич, так как он родился и вырос на Немане. Из каких-то старых простынь, которые кто-то нам отдал, он смастерил парус, и мы целый день плыли без весел, но под вечер налетел силь-

ный ураган, порвал наш парус и чуть нас не потопил. После этого мы отказались от дальнейшего усовершенствования нашего судна и пользовались только примитивной техникой. Плыли днем, а вечером раскладывали костер и спали.

Так через две недели мы приплыли в последнюю пристань Медведок, откуда мы уже должны были разделиться: в Уржум, Малмыж и Нолинск.

Нолинск, кстати, был родиной одного (сказала бы, главного) сталинского подручного Молотова В.М. Молотов – это его партийная кличка, а настоящая фамилия была Скрябин, отец его был богатым купцом; еще в 1930-х годах стояли принадлежащих ему два больших дома. С 1940 по 1957 годы Нолинск гордо носил имя Молотовск, таким он и обозначен на карте, которую я прилагаю.

Вятская область была славна еще одним кровавым деятелем Коммунистической партии – Ф.Э.Дзержинским, который отбывал именно в Нолинске свою трехлетнюю ссылку в 1898 году.

Потерянный дом.

Поиски и находки.

Это была почти детективная история., Когда я стала внимательно разбирать семейные фотографии, сканировать их и реставрировать по своим возможностям, ко мне снова вернулась мысль о квартире, о той, где жила семья моей мамы в Минске, и откуда они должны были выехать в связи с арестом отца мамы, Адама Юрьевича Мицкевича. Собственно, не только о квартире, но и о самом доме, который – как мне говорила бабушка, сохранился во время войны, в то время, как Минск был практически полностью разрушен. И стала я думать, что может быть, кто-нибудь может что-нибудь знать о судьбе дома, и у кого-то сохранились старые фотографии.

Я знала, что дом был в составе кооператива сотрудников Минского университета, и я задала вопрос в своем блоге в ЖЖ об этом кооперативе. А вдруг? Но никто так и не откликнулся. Тут я стала рыться в сети на белорусских сайтах.

Зашла как-то случайно на сайт **“Минск – старый и новый”** и послала туда письмо с вопросом. Мне откликнулся Владимир Воложинский; он пытался найти местоположение этого кооператива, однако безрезультатно. Нашел кое-что рядом, тоже очень интересные воспоминания, но не то – к примеру, о кооперативе Комунар-Просветитель, что, кстати, позже дало мне возможность продвинуться в моих поисках. Владимир даже побывал в архиве, оказалось, что жилищных товариществ в то время в

Минске было более 50-ти. Не было никакой возможности просматривать все материалы.

Я пыталась собрать больше деталей о жизни маминой семьи в этом доме, упомянула дедушкиного брата Игнатия (дядьки Игнася), который жил на том же этаже, в квартире напротив. Вспомнила также и об их родстве с Якубом Коласом, народным поэтом Белоруссии, как я позже узнала - он был очень близок с Игнатием.

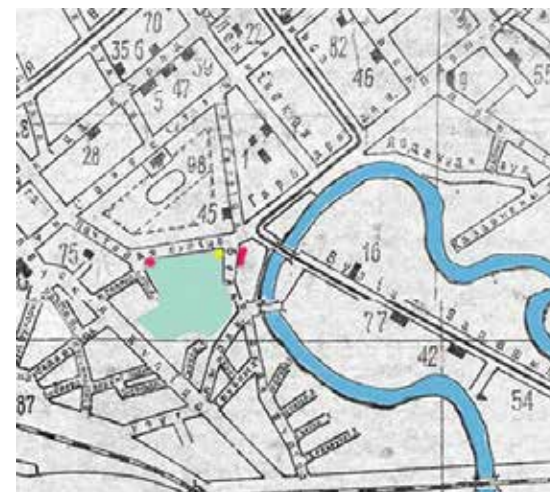
Владимир очень старался мне помочь, и связался с музеем Якуба Коласа в Минске, и с внучкой Коласа Верой Мицкевич, которая тоже заинтересовалась забытыми страницами из жизни родственников ее деда (собственно, и ее родственников тоже). Вначале я переписывалась с Верой через Владимира, позже мы стали общаться непосредственно. Я поначалу стеснялась с ней переписываться, поскольку все письма к Владимиру она писала на белорусском языке, и я опасалась, что она не захочет общаться по-русски. Но нет – у нее оказался прекрасный русский язык, и наше дальнейшее общение происходило по-русски.

Многое, что она мне сообщила, было для меня как открытие белых пятен на биографии семьи. Оказалось, что Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич) был троюродным братом моей мамы; ее дед и бабушка Коласа были родные брат и сестра. Ну а Вера, его внучка, мне стала четвероюродной племянницей. Кроме того, обнаружили еще родственники, и сейчас живущие в Николаевщине, родине моего деда, Адама Юрьевича. Вера также прислала и родословную со стороны Адама, хотя, к сожалению, без годов жизни, но я надеюсь, что мы это как-нибудь вскоре восполним.

Хотя Адам и Игнатий Мицкевичи были Коласу дядьями, однако он был младше Игнася

(с которым он был особенно близок) всего лишь на 6 лет. Вера прислала скан некролога Игнатия, написанного в 1949 году. Оттуда я узнала, что кооператив находился на Белорусской улице. Владимир прислал аэрофотосъемку того района 1941 года, и план этого района. Однако как я могла догадаться, где конкретно находился этот участок? И наконец, из записей Леонида Бирули, племянника моего деда, выяснили, что кооператив назывался “Искра” и адрес его был – Белорусская улица, дом 4.

Тем временем у нас с Верой Мицкевич продолжалась оживленная переписка; кроме родословной я получила фотографии Коласа и его семьи и целый ряд воспоминаний белорусов, бывших с моим дедом в ссылке. Адама Юрьевича арестовали по так называемому Белорусскому делу, и после года тюрьмы его отправили в ссылку в город Малмыж Вятской области. А я в свою

План того района г. Минска, где находился кооператив Искра на Белорусской улице. Площадь кооператива выделена голубым цветом.

очередь отправила в Минск все воспоминания мамы о жизни в Минске и в Малмыже, а также много отсканированных фотографий.

Ну что ж – я знала название кооператива и адрес. У меня был план Минска, аэрофотосъемка той его части, где находится Белорусская улица, но я все не могла соотнести адрес с планом.

Воспоминания Нэлли Абрамовны Лурье

Но я получаю весточку от Веры и скопированные ею страницы воспоминаний Нэлли Абрамовны Лурье, заслуженной учительницы Белоруссии, которая – о, чудо! – жила как раз в этом кооперативе (она называет его кооперативом научных работников) и дала довольно подробное его описание, ввиду чего мне даже удалось теперь локализовать его местоположение на плане Минска. Судя по воспоминаниям, Нэлли была моложе мамы лет на 9, да и переехали они в кооператив, когда ей было года 3-4, т.е. они стали там жить чуть ли не после того, как семья моей мамы уже выехала.

Да, так процитируем Нэлли Абрамовну:

“...И хотя на вопрос, где мы живем, ответ был: “На Ляхавцах”, наш маленький кооперативный поселок для научных работников на Белорусской, 4, был только островком этого района. В поселке были верхние и нижние ворота. Выходили из нижних ворот, и попадали на малюсенькую площадку, где сходились несколько улиц. Направо шла Белорусская. Как раз напротив наших ворот – два небольших магазинчика.

Если идти правым боком к магазинчикам, а левым – к нашим воротам, то направо пойдет Первомайская улица, а прямо перед нами, вверх, до улицы Кирова, поднимается улица Лекерта...

... Вернемся в поселок и пройдем по узким деревянным тротуарам до верхних ворот. Слева – сетчатый забор, отделяющий дома, обсаженные пахучими кустами акации, черемухи и

сирени, справа – невысокая горка. Верхние ворота упираются в небольшой переулочек, который приводит к улице Свердлова. Трамвайной линии до войны не было, а была тихая улочка, Почтовая, идущая вдоль забора нашего кооператива.”

Вот на карте я покрасила зеленым цветом предполагаемый участок кооператива Искра, а звездочками – желтой и красной – пометила нижние и верхние ворота (предположительно). А где находились магазинчики – помечено красной линией.

Спасибо Нэлли Абрамовне! Казалось бы, что там воспоминания, кому они могут быть интересны (разве что самым близким!), кто-то иронически посмеется, кто-то позлословит... Но вот попали они ко мне в руки, и сижу, вычитываю каждое слово. На белорусском языке, не так уж легко читать, но когда привыкаешь – то и перестаешь замечать, что язык – не русский.

И вот там же – и вначале я и сама пропустила – она пишет: *Когда едешь на трамвае до вокзала, мимо стадиона, то, не доезжая до улицы*

Аэрофотосъемка, 21 июня 1941 года

Свердлова, стоят два кирпичных дома: один, двухэтажный, торцом к улице (теперь – Ульяновская, 25), а другой – трехэтажный, повернутый к трамвайной линии. А в глубине двора – были еще два деревянных дома. Вот это и была “наша Ляхавка”, где я прожила всю свою довоенную жизнь. Наконец! Дом найден!

Так вот я этот параграф пропустила, и все не знала, сохранился ли дом. Я была уверена, что – хотя дом и пережил войну – но потом, несомненно, был снесен, поскольку на современной карте Минска на месте этого участка я увидела здания посольств, а также комплекс строений Технического Университета. И вдруг я получаю от Веры фотографии двух домов, когда-то принадлежащих кооперативу Искра, в одном из которых и жила моя мама!

Вдобавок еще несколько строк.

Лурье в своих воспоминаниях называет этот дом “большой” или “трехэтажный”. Свой (номер 25) – “двухэтажный”. Он такой тоже был один. По воспоминаниям Лурье и мамы там жила семья Лойко с детьми; старший, Юрка, был сверстником и товарищем мамы, а младший, Темка (а назвали его Тиберий, так как отец был специалистом по древней истории) был – позже – в компании Нэлли Лурье. Кстати, в мамины времена он был еще совсем маленьким, не более года-полутора. Еще был и средний сын с не менее экзотическим именем, но мама его (имя) не помнит. В общем, в описании домов у мамы и Нэлли Лурье нет никаких разногласий. Двухэтажный был ближе к нижним воротам, трехэтажный – повыше и дальше, и стояли они перпендикулярно друг к другу. А что касается той части участка, который простирался от этих домов в сторону Почтовой улицы, то там уже был конец кооператива, и до

*Аэрофотосъемка Минска 1944 г.
Хорошо виден длинный
разрушенный дом Коммунар-
Асветник*

мов больше не было, тем более, таких больших. Впрочем, на плане это очень хорошо видно.

Кроме этих домов и дома Сверчинского (стоящего на середине пути между домами 25 и 29 по нынешней нумерации), в кооперативе еще были коттеджи, по типу европейских таунхаузов, с квартирами на два этажа – вот, наверное, те самые, о которых вспоминает и Лурье. В одной из таких квартир жила семья Жени Коноплина, маминого товарища. Они вместе брали уроки немецкого языка. Он был немного старше мамы, а его одноклассником был Жора Богино, сын известного минского настройщика роялей. Много позже, в 1956 году, на отдыхе в Костромской области, мы неожиданно познакомились с Богино, и тогда и выяснилось мамино с Жорой почти знакомство; в детстве им познакомиться не пришлось. У Жоры дочь Светлана и сын Константин.

В кооперативе была также и столовая, и

детский сад. Уже после ареста Адама Юрьевича Игнатий просил маленькую Зою приносить им обеды из столовой, так как Валентина дома не готовила. Мама и сейчас удивляется – они тогда с Юрой буквально голодали, ничего не было, кроме хлеба и топленого масла, которое Лариса Минична запасла заранее. Откуда хлеб – Зоя не знает, но не помнит, чтобы она его покупала. Так вот она сейчас удивляется, как же Игнатий с тетей Валею их никогда не покормили, двоих голодных детей. Только позже, когда он уже их взял себе в квартиру.

Мама очень не любит вспоминать это время, и я собираю информацию буквально по крошкам, а также и от других людей, которые мне иногда встречаются. А, кстати, у Владимира Воложинского на его сайте есть тоже фото этих домов, и дом 29 снят с обеих сторон, и вот с другой стороны – с той, которая была со стороны сада – как раз и есть балконы, которые вспоминает мама.

*Двухэтажный дом кооператива
“Искра”, теперь - дом 25 по
Ульяновской улице.*

*Трехэтажный дом кооператива
Искра, теперь - дом 29 по
Ульяновской улице*

Приложение:

Коммунар-Просветитель

Небольшой добавок к истории “нашего” дома, еще один штрих истории Минска. О другом доме, но расположенном, как оказалось, совсем рядом, и который имеет почти ту же судьбу, что и дома кооператива “Искра”. В одном из своих первых писем Владимир Воложинский прислал мне кусочек плана Минска и аэрофотосъемку этого же района, поскольку он нашел упоминание о кооперативе, построенном для местной интеллигенции. Вот некоторые выдержки из воспоминаний об этом строении.

“Был построен в 1934 году “на паях” (позже назвали бы кооперативным). Точный адрес был Свердловская, 73. Это – на спуске со Свердловской на Белорусскую, теперь на этом месте находится Технологический Университет. В доме было 4 этажа, 6 подъездов (по некоторым воспоминаниям – 7), по две трехкомнатные квартиры на каждом этаже, все одинаковой планировки. В доме жила интеллигенция – писатели, ученые, врачи и другие: Чорный, Крапива, Александрович, директор 9 школы Гальчук, Стефанович, Каташук, Пецольд. Рядом двор, сараи, сад, спортплощадка, летняя сцена. На Свердловскую, что теперь Свердлова, дом выходил торцом, и на нем было написано: “Просветитель-Коммунар 1934” (или “Дом Просветитель-Коммунар 1934”)

Оказалось, о том же доме вспоминает и Нэлли Абрамовна Лурье: “Позже за садом,

около его левой ограды, появился большой каменный дом для работников просвещения, выходящий торцом на улицу Свердлова. Название дома было вполне в духе времени: “Коммунар-просветитель”. Теперь, наверное, такое название вызвало бы только смех. В первые дни войны на этот мирный дом был сброшен целый град бомб, и десятки людей сгнули под его обломками...”

Так вот это упоминание Коммунара-Просветителя подтвердило правоту моего определения месторасположения кооператива научных работников – дом Коммунар-Просветитель хорошо виден на всех аэрофотосъемках, а “наши” дома располагались непосредственно рядом, т.е. именно там, как описала Нэлли Абрамовна, на том участке, который я закрасила зеленым цветом на плане города.

Воспоминания дочери Кузьмы Чорного – первые дни войны, бомбежка Минска, разрушение дома.

Вот отрывок из воспоминаний дочери Кузьмы Чорного (кстати, Кузьма Чорный – известный белорусский писатель, создатель белорусского романа):

“В 1934 году на улице Свердлова, недалеко от современной Ульяновской, был построен 4-5-этажный дом “Просветитель Коммунар”. Тогда это называлось “дом на паях”, в советское время такие дома стали называть кооперативными. Мы жили в четвертом подъезде, на четвертом этаже... Около нашего дома был большой сад, и взрослые копали там окопы. Вспоминаю, что к отцу пришел Кондрат Крапива...

24 июня начали бомбить Минск. Взрослые сначала прятали детей в окопах, а потом уже и сами прятались. Одна из первых бомб попала в наш дом, разбомбила 1-й подъезд. Под развалинами остались люди. Взрослые стали их спасать, разбирать завалы. Когда отец с кем-то выносил кого-то на носилках, рухнула еще одна стена и засыпала тех, кто откапывал первых жертв...

В 1944 году вернулись в Минск. Как только вышли с поезда, так первое, что увидели – наш балкон, а на нем – зеленые горшки. Отец очень любил цветы и высаживал их в тех горшках. От нашего дома остались две стены... и балкон с горшками.... Весь город был разрушен...”

Да, это как раз и было рядом с кооперативом Искра – Владимир Воложинский присылал мне кадры аэрофотосъемки дважды: раз именно с этим домом, а второй – уже весь район Белорусской-Свердлова, пошире. Он хорошо виден на кадре, на одном – целый, а на другом – уже разрушенный. Такая была судьба минчан буквально в первые дни войны.